

ОТЗУКИ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

С.-Петербургскій университетъ.

(1868—69 годъ).

Я поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Въ университетѣ тогда принимали окончившихъ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ послѣ повѣрочнаго испытанія по русскому языку, математикѣ, или латинскому языку, смотря по тому, на какой факультетъ поступалъ предъявитель аттестата. Повѣрочное испытаніе заключалось въ письменной работѣ на заданную тему, исполненной въ аудиторіи, гдѣ были собраны аспиранты. Имъ раздавались чистые листы съ рой бумаги, на одномъ углу которыхъ значилась фамилія аспиранта, а по серединѣ — заголовокъ темы. Листы выдавалъ инспекторъ студентовъ, Н. В. Озерецкій, въ присутствіи назначенныхъ для производства повѣрочныхъ экзаменовъ профессоровъ, которымъ и сдавалась экзаменующимися оконченная работа. Изустныхъ вопросовъ не предлагалось.

Къ пяти часамъ дня вѣсъ работы были сданы, и повѣрочный экзаменъ былъ объявленъ оконченнымъ. Два—три дня спустя, въ сборной студентовъ и въ канцеляріи правленія былъ вывѣшенъ списокъ вновь принятыхъ въ число студентовъ лицъ, которые и приглашались въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ взнести плату за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи и, кому это нужно, явиться въ канцелярію инспекціи за получениемъ вида на жительство въ Петербургѣ. Этотъ видъ нуженъ былъ всѣмъ одинокимъ студентамъ, жившимъ въ меблированныхъ комнатахъ, и онъ выдавался, независимо отъ того, просилъ ли видъ взнесший уже плату, или нѣтъ. Вноса денегъ ждали два мѣсяца, затѣмъ, въ сборной вывѣшивался списокъ не взнесшихъ плату, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ непоступленія отъ нихъ денегъ, или ходатайства объ

освобождениі отъ платы за слушаніе лекцій, они черезъ двѣ недѣли будуть сочтены „выбывшими изъ числа студентовъ университета“ и исключены изъ списковъ. Замѣтьте деликатность: „выбывшими“, а не „исключеннымъ за невзносъ платы“, какъ объявлялось позднѣе и объявляется нынѣ. Другое время, другіе нравы.

Увидавъ свою фамилію въ спискѣ принятыхъ въ студенты, я поспѣшилъ внести плату и началь ждать начала лекцій.

На первомъ курсѣ юридического факультета мнѣ предстояло слушать слѣдующихъ профессоровъ: маститаго П. Г. Рѣдкина (энциклопедія юридическихъ наукъ), немолодого уже М. М. Михайлова (исторія русскаго права), молодыхъ: А. Д. Градовскаго (русское государственное право), Л. Б. Дорна (исторія римскаго права) и священниковъ: М. И. Горчакова (церковное право) и В. П. Полисадова (богословіе).

Лекціи началъ П. Г. Рѣдкинъ. По традиціонному обычаю, маститый профессоръ каждый годъ читаль новымъ студентамъ такъ называемую „вступительную“ лекцію на общую тему. Намъ онъ прочель о значеніи права для государства и человѣка. Характерная, плотная фигура Петра Григорьевича, съ большой, остриженной подъ гребенку головой, длинными, „малороссійскими“ усами и небольшими баками, производила пріятное впечатлѣніе благообразнаго, умнаго старца. Онъ спокойно, медленно прошелъ на каѳедру, вынуль изъ кармана вицѣ-мундира небольшую, согнутую пополамъ тетрадку и началъ читать. Огромная XI аудиторія, самая помѣстительная въ университѣтѣ, была переполнена: слушатели сидѣли на скамьяхъ, на окнахъ, на возвышениіи для каѳедры, многие стояли. Читаль Рѣдкинъ хорошо, нѣсколько съ малороссійскимъ акцентомъ, но это не мѣшало ясности его рѣчи. Лекція была очень содержательна и прослушана многочисленными слушателями съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Когда профессоръ кончилъ, сложилъ обратно въ карманъ свою тетрадку и направился къ двери, раздались шумныя, единодушныя рукоплесканія всей аудиторіи. П. Г. Рѣдкинъ остановился, повернулся лицомъ къ студентамъ и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно, что моя лекція была прослушана вами безъ скуки, съ интересомъ, и вызвала въ васъ желаніе выразить мнѣ ваше сочувствіе. Я искренно цѣнию добрые порывы молодости, но обязанъ напомнить вамъ, что университетскія правила безусловно воспрещаютъ студентамъ выражать профессорамъ знаки одобренія или поりцанія за чи-

таемы ими учебныя лекціи. Правила эти составляютъ наше университетское „право“, которое мы, юристы, обязаны знать и исполнять. Нарушеніе нашихъ правилъ можетъ и должно повлечь за собой непріятное всегда возмездіе, вмѣшательство инспекціи, которая обязана слѣдить за соблюдениемъ студентами установленнаго въ университѣтѣ порядка и неуклонно преслѣдовать нарушителей послѣдняго. Исторія нашего и другихъ университетовъ сохранила грустныя подробности такъ называемыхъ университетскихъ беспорядковъ, начинавшихся съ пустяковъ и кончавшихся закрытиемъ университета. Помните это и берегите университетъ.

Сказавъ это, почтенный старецъ повернулся и пошелъ къ выходной двери подъ громъ новыхъ рукоплесканій всей аудиторіи, продолжавшихся, пока профессоръ не скрылся за дверью.

Понятно, послѣ такого впечатлѣнія отъ вступительной лекціи, студенты не переставали наполнять XI аудиторію, въ которой читаль свой курсъ захватившій ихъ сразу профессоръ. Охотно также поспѣщались лекціи профессора Градовскаго по русскому государственному праву. Минимальное количество слушателей собирали лекціи М. М. Михайлова, который вслухъ читаль намъ свой печатный курсъ, и читаль скучно, вяло, не интересно, какъ читаетъ въ церкви Апостола плохой дьячекъ.

Къ концу первого полугодія, новые студенты узнали, что въ лекціи стенографируются, просматриваются профессорами и затѣмъ литографируются, что, затративъ три—четыре рубля, можно иметь полный курсъ Дорна, Горчакова, Градовскаго; одинъ Рѣдкинъ отказался просматривать стенограмму его лекцій, но и его курсъ все-таки тщательно записывался нѣсколькими студентами, которые сличали свои записи, вывѣряя, такимъ образомъ, собственными средствами текстъ лекцій несговорчиваго профессора, и затѣмъ сдавали стенограмму въ литографію. Словомъ, все было приспособлено къ наиудѣнѣйшему приготовленію къ экзамену безъ траты времени на поспѣщеніе профессорскихъ лекцій. Да, большое зло было это, официально разрѣщенное и санкционированное профессорами издание дешевыхъ литографированныхъ курсовъ. Готовые, вывѣренные профессорами, доступные по цѣнѣ, продаваемые тутъ же въ университѣтѣ курсы быстро отучили студентовъ поспѣщать и записывать лекціи, свели къ нулю значеніе всей лекціонной системы преподаванія. Литографированные курсы замѣняли студентамъ все: профессоровъ, научныя пособія, специальную литературу, памятники, и вся умственная работа

молодежи сводилась исключительно къ работе памяти, къ простому заучиванию университетского курса, какъ заучивались въ гимназии катехизис Филарета и учебники Ободовскаго и Иловайскаго. Послѣдствіемъ такой постановки университетскаго преподаванія было такое, напримѣръ, явленіе: экзаменуясь на кандидата, одинъ бывшій студентъ, слушатель уже оставившаго университетъ проф. Михайлова, подробно описать профессору Градовскому, экзаменовавшему, за неимѣніемъ въ данный моментъ отдѣльного профессора (В. И. Сергеевичъ прѣхалъ позднѣ), изъ исторіи русскаго права, вѣнчній видъ „Русской Правды“.

— Вы видѣли „Русскую Правду“? Гдѣ? — спросилъ изумленный Градовскій.

— Да, видѣлъ; ходилъ для этого нарочно въ Публичную библиотеку,—отвѣтилъ экзаменуемый.

Очень радъ. Прекрасно. Довольно. И восхищенный профессоръ поставилъ любознательному молодому человѣку 5. И это было понятно, если я скажу, что на томъ же экзаменѣ, происходившемъ совмѣстно со студентами второго курса, державшими переводное испытаніе, были экземпляры, не знавшіе не только годовъ, когда царствовала Екатерина II, но даже столѣтія. Завѣряю честнымъ словомъ, что передаю истинный фактъ, а не анекдотъ. Многіе мои товарищи не знали буквально ничего, кромѣ записокъ, а въ печатномъ курсѣ Михайлова—указанія на время царствованія Екатерины Великой не было. Помнить же гимназическую учебу считалось не обязательнымъ, и на вопросъ Градовскаго смотрѣли какъ на недостойную профессора придирику, а на поставленную имъ неудовлетворительную отмѣтку, какъ на явную несправедливость. Вотъ къ какому извращенію понятій, къ какой дѣйствительно недостойной притязательности приводили студентовъ литографированныя записки. За профессоромъ отрицалось право требовать отъ студента даже общеизвѣстныхъ историческихъ фактovъ, если эти факты не упоминались въ запискахъ по тому предмету, по которому производилось испытаніе. Много лѣтъ спустя, довелось мнѣ говорить по этому поводу съ покойнымъ А. Д. Градовскимъ, и почтенный профессоръ не могъ не согласиться, что литографированіе университетскихъ лекцій, весьма выгодное группѣ студентовъ-издателей, значительно понизило умственный уровень студенчества и убило въ молодежи послѣдній интересъ къ научному занятію и къ самостоятельному труду по пріобрѣтенію знаній.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Рождественскіе праздники 1868 года прошли. Насталъ новый 1869 годъ. Постепенно приближалось время переходныхъ экзаменовъ. Я все усерднѣе и усерднѣе читаль записки тѣхъ профессоровъ, у которыхъ предстояло экзаменоваться, и по недѣлямъ не заходилъ въ университетъ и не зналъ, что тамъ дѣлается.

Между тѣмъ, въ университетѣ шли бурные сходки, на которыхъ обсуждались текущіе вопросы студенческой жизни. Сходки происходили и въ зданіи университета, и въ студенческой столовой, открытой на имя иѣкої Козловской. Зашедший ко мнѣ случайно товарищъ вывелъ меня изъ блаженнаго невѣдѣнія университетской современности.

Я устыдился, бросиль чтеніе записокъ и пошелъ на другой день на сходку, назначенную въ университетскомъ актовомъ залѣ, отпертомъ потому, что въ немъ профессора Градовскій и Ивановскій читали лекціи одновременно для обоихъ разрядовъ юридического факультета. Организаторы сходокъ думали воспользоваться огромнымъ актовымъ заломъ и назначили его мѣстомъ той сходки, на которую пришелъ и я.

Но въ залъ проникнуть студентамъ не удалось: двери, въ него ведущія, инспекторъ предусмотрительно приказалъ запереть, ибо соединенной лекціи въ этотъ день по расписанію назначено не было. Собравшіеся на сходку, по необходимости, разсыпались по коридору, занявъ, кстати, и большую парадную лѣстницу, на верхней площадкѣ которой появились тотчасъ же ораторы: Степанъ Езерскій, Илья Шрагъ и знаменитый впослѣдствіи Нечаевъ, числившійся въ университетѣ вольнослушателемъ. Первые двое представляли элементъ умѣреній: они убѣждали студентовъ ограничить свои домогательства мелкими, но существенными нуждами всего студенчества: кассой, правомъ сходокъ, столовой, библиотекой. Эти желанія—говорили Езерскій и Шрагъ—понятны, реальны, опредѣленны и вполнѣ осуществимы; никто не посмѣть сказать, что мы волнуемся не своимъ, студенческимъ дѣломъ.

Нечаевъ, наоборотъ, призывалъ сходку къ широкому, безпредѣльному протесту противъ насилий администраціи, допущенныхъ, въ тогдашней медико-хирургической академіи, гдѣ студенты за вполнѣ мирныя, безусловно академической домогательства подвергнуты исключенію изъ академіи, арестамъ и высылкѣ изъ Петербурга. „Маниловщиной—кричалъ Нечаевъ—заниматься поздно, чортъ съ ней, съ казенной наукой, если

она готовить студентовъ на службу самодержавному безправию, создаетъ насильниковъ права и свободы. Подлецы пустъ изучаютъ эту науку, а мы, честные люди, чуткая молодежь, отстранимся отъ зла и сотворимъ благо, пойдемъ всѣ гуртомъ и громко скажемъ подлецамъ, что они подлецы, что наука ихъ, одобренная III-мъ отдѣленіемъ, не наука, а подлая мерзость, которая учитъ подлому холопству, унижающему и профессоровъ и студентовъ. Наша задача—всѣми средствами бороться за свою свободу, за свободную науку, за свободное студенчество".

Много еще красивыхъ, возбуждающихъ фразъ произнесъ будущій агитаторъ, но не достигъ успѣха: большинство сходки раздѣлило доводы Езерского и Шрага, отрицательно отнеслось къ туманному призыву Нечаева. Озлобленный вышелъ онъ изъ университета, бросивъ сходкѣ: "Трусы, подлецы".

Сходка продолжалась весь день, до 6—7 часовъ вечера. Инспекція успѣла, конечно, записать всѣхъ, известныхъ ей участниковъ сходки, съ ораторами во главѣ. На другой день, въ сборной висѣло объявленіе о созывѣ университетскаго суда и о преданіи этому суду, помнится, 70 студентовъ, названныхъ въ объявлениіи "зачинщиками и виновниками безпорядковъ". Всѣмъ имъ входъ въ университетъ былъ тогда же воспрещенъ. Это объявленіе вызвало новое волненіе, новые сборища студентовъ въ шинельной, въ буфетѣ, въ сборной, въ коридорѣ и на лѣстницахъ. "Среди насъ нѣть зачинщиковъ; если есть виновные, то всѣ виноваты одинаково. Идемъ къ ректору!" Такіе возгласы раздавались дружно во всѣхъ углахъ скопленія студентовъ. "Толпой идти неловко; лучше послать депутацію!"—"Сюда пригласить ректора". Возникаютъ споры, шумъ, галдѣніе; инспекторъ Озерецкій и его помощникъ Пальминъ суетятся, убѣждаютъ сходку разойтись; ихъ никто не слушаетъ, они подъ шумокъ переписываютъ студентовъ.

Наконецъ, группа въ 10—12 студентовъ отдѣляется и идетъ въ правленіе бесѣдовать съ ректоромъ отъ имени сходки. Толпа утихла, ждетъ. Проходитъ $\frac{1}{4}$ часа. Дверь помѣщенія правленія открывается, изъ нея выходитъ депутація и за ней ректоръ К. Ф. Кесслеръ. Спокойно, твердо ректоръ объявляетъ сходкѣ, что правленіе университета не можетъ оставить безъ вниманія нарушеніе скопомъ университетскихъ правилъ; виновники въ созывѣ сходки известны инспекціи, они и преданы университетскому суду, вмѣстѣ съ главными ораторами сходки.

Судить всѣхъ правленіе не считаетъ справедливымъ, ибо на сходкѣ несомнѣнно было не мало любопытныхъ, непричастныхъ къ недопустимымъ возгласамъ, раздававшимся съ незаконной трибуны; это—жертвы обстановки, и судить ихъ равнѣ съ созвавшими сходку и ораторами правленіе никогда не согласится; вотъ неугомонныхъ буйновъ, не унявшихся послѣ преданія суду первыхъ зачинщиковъ безпорядковъ, переписанныхъ инспекціей вчера и сегодня, правленіе, конечно, предастъ суду, образовавъ изъ нихъ вторую группу.

Этимъ К. Ф. Кесслеръ и ограничилъ свои объясненія съ студентами и ушелъ со сходки.

— Что же теперь дѣлать?—загудѣла толпа. Раздались совѣты и планы, одинъ смѣлѣе и рѣшительнѣе другого. Спорили долго, горячо, искренно ища способа выручить своихъ товарищѣй, преданныхъ суду, хотя и университетскому, но все-таки грозному; въ числѣ этихъ товарищѣй были и наши лучшіе благоразумные коноводы: Езерскій, Шрагъ и другіе, популярные студенты. Наконецъ, рѣшили на сегодня разойтись и ждать ближайшихъ событий—решенія суда относительно первой группы привлеченныхъ къ отвѣту и тогда выработать способъ и форму протesta противъ репрессій начальства.

Нѣсколько дней прошло безъ сходокъ, пока судъ дѣлалъ свое дѣло. Наконецъ, стало известнымъ, что всѣхъ, привлеченныхъ къ суду, постигло исключеніе изъ университета, многихъ безъ права поступленія навсегда въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе, другихъ—безъ права поступленія, тоже безсрочно, въ столичные университеты, третьихъ—опять безъ срока, безъ права возвращенія въ Петербургскій университетъ; послѣднюю категорію, наиболѣе многочисленную, составляли приговоренные къ исключенію на разные сроки.

Узнали дальше, что списки исключенныхъ и ихъ документы тотчасъ же были отосланы университетскимъ начальствомъ въ III отдѣленіе, которое распорядилось выслать всѣхъ исключенныхъ изъ Петербурга, кого на родину, къ родителямъ, кого—въ отдаленные губерніи, подъ надзоръ полиції.

Тотчасъ же опять начались сходки, совѣщанія, но уже менѣе многолюдныя, сравнительно тихія: главные ораторы ушли въ ссылку, Нечаевъ перебрался въ Москву, новыхъ вожаковъ, способныхъ увлечь студенческую массу, не находилось. Всѣ склонны были стать на защиту пострадавшихъ товарищѣй, но какъ это сдѣлать—никто указать не могъ, и волненіе постепенно замирало.

Наступил май мѣсяцъ, а обѣ экзаменахъ забыли и студенты, и начальство. Послѣднее все еще занималось окончательной ликвидацией „исторіи“. Инспекція представила ректору запоздавшій, третій списокъ „дѣятельныхъ“ участниковъ сходокъ, происходившихъ въ университете послѣ объявленія рѣшеній университетскаго суда, и требовала ихъ непремѣнного наказанія. Ректоръ передалъ списокъ и требование инспекціи на усмотрѣніе правленія. Судъ уже былъ закрытъ, и созывать его вновь правленію не хотѣлось. Выслушавъ дополнительный, словесный докладъ инспектора, правленіе выбрало изъ списка инспекціи 17 студентовъ и рѣшило предать этихъ послѣднихъ могиканъ суду правленія университета, состоящаго, какъ известно, изъ ректора и декановъ. Я оказался въ числѣ этихъ 17-ти.

Повѣсткой, врученной каждому изъ насть мѣстной полиціей, намъ объявлялось, что „за участіе въ беспорядкахъ, ученическими студентами въ зданіи Спб. университета, такою-то предается суду правленія университета, вслѣдствіе чего вызывается для дачи объясненій въ засѣданіе сего правленія такого-то числа и мѣсяца, въ 1 часъ пополудни, а до этого дня входъ въ университетъ ему воспрещается“.

Въ назначенное время всѣ мы, 17 человѣкъ, собрались въ прихожей, передъ дверями, ведущими въ помѣщеніе правленія университета. Весело бесѣдуя и недоумѣвая—зачѣмъ мы понадобились, когда волненіе давно утихло и никакихъ беспорядковъ больше нѣть, мы старались угадать—что именно поставится намъ въ криминаль, и какая кара можетъ насть ожидать?

Назначенный часъ прошелъ, но никто насть никуда не звалъ. Сидѣть въ прихожей начинало надоѣдать, становилось просто скучно. Я предложилъ товарищамъ, что пойду навести справки—отчего насть не зовутъ—у секретаря по студенческимъ дѣламъ. Сказано—сдѣлано. Отворяя дверь въ канцелярію правленія, я наткнулся на ректора, который спросилъ меня: что мнѣ нужно? Я отвѣтилъ, что вызванные въ правленіе 17 студентовъ явились къ назначенному часу и ждутъ въ прихожей, но никто ихъ никуда не зоветъ, и они поручили мнѣ справиться—не забыли ихъ?

— Нѣть, не забыли, вотъ съ васть и начнемъ. И ректоръ открылъ дверь, ведущую изъ канцеляріи въ комнату засѣданій правленія. Тамъ, за огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ и украшеннымъ солидно чернильницей

по серединѣ и золотымъ зерцаломъ на одномъ концѣ, заѣдали ученые мужи, деканы всѣхъ факультетовъ. Ректоръ занялъ свое предсѣдательское кресло. Я сталъ у закрытой двери, какъ разъ противъ ректора, и ждалъ вопросовъ.

— Инспекція—началь ректоръ—замѣтила, что вы принимали участіе въ беспорядкахъ, ходили на запрещенныя университетскими правилами сходки уже тогда, когда ваши товарищи были за сіе преданы университетскому суду и исключены изъ университета. Признаете себя виновнымъ?

— Да, на сходкахъ былъ, ибо считаю обязанностью каждого порядочнаго студента быть тамъ, где обсуждаются нужды студенчества и способы ихъ наилучшаго удовлетворенія.

— О чемъ шла рѣчь на послѣдней сходкѣ?—спросили одновременно два декана.

— Обсуждалось, какъ можно помочь пострадавшимъ товарищамъ.

— И что же рѣшили?

— Къ сожалѣнію, никто не могъ указать способа, которымъ студенты могли бы улучшить судьбу исключенныхъ товарищей, а заявлять протестъ впустую большинство сходки находило безцѣльнымъ. Такъ и разошлись, не принявъ никакого рѣшенія.

— Лично у васть столкновеній съ инспекціей не было?—спросилъ ректоръ.

— Сколько помню, нѣть.

Ректоръ, молча, жестомъ руки спросилъ: не имѣеть ли кто еще какихъ-нибудь вопросовъ. Деканы покачали головами отрицательно. Ректоръ предложилъ мнѣ выйти въ канцелярію и подождать тамъ рѣшенія правленія. Я скрылся за дверью, но не успѣлъ даже присѣсть въ канцеляріи, какъ дверь вновь отворилась, и ректоръ пригласилъ меня въ правленіе. Я вошелъ и услышалъ слѣдующее:

— Правленіе предлагаетъ вамъ дать торжественное обѣщаніе въ томъ, что вы не будете впредь, во все время пребыванія вашего въ университѣтѣ, принимать участія ни въ какихъ беспорядкахъ, сходкахъ и другихъ нарушеніяхъ существующихъ для студентовъ правилъ. Согласны вы дать въ этомъ честное слово?

— Къ сожалѣнію, отвѣтилъ я,—дать такого слова не могу.

— Почему?—спросилъ ректоръ.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ одинъ деканъ.

— Потому—продолжалъ я—что такъ называемые студенческие беспорядки вызываются причинами, отъ студентовъ не зависящими. Дайте намъ кассу, библиотеку, столовую, разрѣшите сходки для обсужденія вопросовъ, касающихся этихъ студенческихъ дѣлъ, и, повѣрьте, никакихъ беспорядковъ не будетъ. Домогаться этихъ правъ каждый порядочный и честный студентъ, которому дороги интересы всего студенчества, нравственно обязанъ, хотя бы и съ нарушеніемъ дѣйствующихъ правилъ. И я всегда сочту своимъ долгомъ явиться на сходку, созванную для обсужденія текущихъ студенческихъ дѣлъ, зная, что безъ нарушенія правилъ сходка созвана быть не можетъ. Могу обѣщать одно: не принимать во все время моего студенчества никакого участія въ волненіяхъ студентовъ на обще-политической почвѣ, не проявлять въ стѣнахъ университета и на студенческихъ сходкахъ стремленій, выходящихъ за предѣлы непосредственныхъ нуждъ студентовъ, какъ таковыхъ.

— Вы кончили?—спросилъ ректоръ. Я утвердительно кивнулъ головой.

— Подождите въ канцеляріи, правленіе сейчасъ обсудить вашъ отвѣтъ и объявить вамъ свое рѣшеніе,—закончилъ ректоръ.

Я вновь скрылся за дверью. На этотъ разъ я успѣлъ выбѣжать къ ожидавшимъ меня товарищамъ, все еще сидѣвшимъ въ швейцарской. Быстро рассказалъ я имъ все, произшедшее со мной, желая дать имъ понять, что ничего страшнаго намъ не предстоитъ.

Едва я вернулся въ канцелярію, какъ былъ позванъ въ присутствіе правленія. Ректоръ встрѣтилъ меня словами:

— Правленіе признало васъ виновнымъ въ нарушеніи обязательныхъ для студентовъ правилъ, но, принявъ во вниманіе степень вашего участія въ беспорядкахъ и объясненія, данныя вами сего числа въ присутствіи правленія, постановило: вмѣнить вамъ въ наказаніе воспрещеніе до суда посѣщать университетъ. Вы свободны,—заключилъ ректоръ.

Я вышелъ. Къ моему удивленію, встали и вышли за мной ректоръ и всѣ деканы. Оказалось, что судебное засѣданіе правленія было назначено наверху, въ актовомъ залѣ, и только моя случайная встрѣча съ ректоромъ въ дверяхъ въ канцеляріи избавила меня отъ торжественной обстановки.

Всѣ остальные 16 подсудимыхъ приглашены были въ актовый залъ. Но перемѣна обстановки не повлияла на судьбу подсудимыхъ: всѣ отдались „выговоромъ“, самое большое „строгимъ выговоромъ“.

Очевидно, исполнялась пустая формальность; у правленія не хватило храбрости прямо бросить въ сорную корзинку послѣднее донесеніе инспекціи, и оно предпочло „сдѣлать видъ“, что оно предаетъ насъ суду и наказываетъ. Этимъ комическімъ судомъ надъ послѣдними могиканами беспорядковъ закончилась студенческая исторія, помѣшившая многимъ сдать не только переходные экзамены, но и кончить курсъ.

Миѣ предстояло остаться на второй годъ на первомъ курсѣ, и я уже начиналъ мириться съ неизбѣжностью этого грустнаго факта, какъ случай свѣль меня съ прѣѣзжимъ студентомъ Киевскаго университета. Онъ повѣдалъ мнѣ, что въ Киевскомъ университѣтѣ студенты 1-го и 3-го курсовъ переводятся на слѣдующіе курсы безъ экзаменовъ, которые производятся лишь два раза въ теченіе всего курса: при переходѣ со 2-го на 3-й курсъ — изъ предметовъ, законченныхъ на первыхъ двухъ курсахъ, и при выпускѣ — изъ предметовъ, прочитанныхъ на двухъ послѣднихъ курсахъ. Эта порядокъ открывалъ мнѣ возможность спасти потерянный годъ: стоило только перейти въ Киевскій университетъ, гдѣ меня, казалось, должны безъ затрудненій принять на второй курсъ. Мысль эта прочно засѣла въ моей головѣ. Кстати, нашъ домашній докторъ усмотрѣлъ у меня расположение къ чахоткѣ и находилъ петербургскій климатъ для меня безусловно вреднымъ. Поэтому, мое намѣреніе промѣнять Петербургъ на Киевъ встрѣчено было моими домашними весьма сочувственно, и вопросъ былъ скоро и окончательно решенъ въ пользу моего переселенія.

По совѣту опытныхъ людей, я не перевелся изъ одного университета въ другой, а уволился изъ Спб. университета, получивъ удостовѣреніе въ томъ, что я пробылъ годъ на первомъ курсѣ, на переходные экзамены не явился и уволенъ по прошенію, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, при чёмъ правленіе университета свидѣтельствовало, что оно не имѣло оснований усомниться въ моей политической благонадежности.

Заполучивъ это „полное“ удостовѣреніе, я послалъ его по почтѣ въ Киевскій университетъ, при прошеніи о приемѣ меня на второй курсъ. До конца августа я не получилъ изъ Киева никакого извѣщенія. Зная, однако, что лекціи во всѣхъ нашихъ университетахъ начинаются послѣ лѣтнихъ каникулъ около 1-го сентября, и не предвидя никакихъ законныхъ препятствій къ приему меня въ Киевскій университетъ, я въ послѣднихъ числахъ августа двинулся въ Киевъ.

Кievskij universitetъ Св. Vladimira.
(1869 г.).

Снаряжая меня въ Киевъ, отецъ даль мнѣ рекомендательныя письма къ своему университетскому товарищу, моему крестному отцу, И. О. Миницкому, занимавшему въ Киевѣ видную должность управляющаго акцизными сборами, и къ сотруднику „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, молодому профессору Киевскаго университета, М. П. Драгоманову. Обоими я былъ принятъ весьма радушно, и мнѣ было обѣщано всяческое содѣйствіе. У Драгоманова я познакомился съ его братомъ, студентомъ какъ разъ юридического же факультета, но уже, помнится, 3-го курса, Иваномъ Петровичемъ, съ которымъ, донынѣ здравствующимъ, я сохраняю дружескія отношенія по сей день. Не помню, кто именно даль мнѣ еще письмо къ С. Я. Богданову, завѣдывавшему тогда чьимъ-то книжнымъ магазиномъ, любезно обѣщавшему снабжать меня новыми книгами. У М. П. Драгоманова я познакомился еще съ магистрантомъ университета по политической экономіи, Н. И. Зиберомъ, человѣкомъ очень интереснымъ и привлекательнымъ.

Употребивъ дня два на посѣщеніе Миницкаго, Драгоманова и Богданова, нанявъ случайно сдававшуюся комнату у порядочнаго, по отзыву братьевъ Драгомановыхъ, субъ-инспектора университета Юнга, я пошелъ въ университетъ.

Первое должностное лицо, которое я увидѣлъ, былъ, конечно, швейцарь, любезно сообщившій мнѣ, что правильное чтеніе лекцій еще не началось, такъ какъ многіе профессора еще не возвратились изъ лѣтнихъ отлучекъ.

— А ректоръ здѣсь? — спросилъ я.

— Ректоръ завсегда здѣсь, никогда никуда не выѣзжаетъ.

— А когда и гдѣ онъ принимаетъ студентовъ?

— Въ университетѣ у нихъ пріемныхъ часовъ для студентовъ не назначено, принимаютъ больше въ клиникѣ, въ дни, когда читаютъ тамъ лекціи; тогда студенты и норовятъ поймать ихъ, если нужно.

Я вспомнилъ, что наканунѣ, у Драгоманова, мнѣ говорили, что ректоръ — извѣстный въ городѣ акушеръ, съ огромной практикой, отнимающей у него массу времени, днемъ и ночью, что въ университетѣ онъ попадаетъ, и то не всегда, лишь на засѣданія совѣта и правленія, и только на лекціи въ клинику прїѣзжаетъ исправно и аккуратно.

— А секретарь по студенческимъ дѣламъ здѣсь? — обратился я вновь къ швейцару.

— Этотъ завсегда тутъ, отлучается только къ ректору, больше рано поутру, или поздно вечеромъ.

— А теперь здѣсь?

— Здѣсь, въ своемъ кабинетѣ. Когда нужно, пожалуйте. Съ площадки направо, первая бѣлая дверь, тамъ дощечка прибита.

Я поднялся на лѣстницу, безъ труда нашель бѣлую дверь съ дощечкой: „Секретарь по студенческимъ дѣламъ“, и вошелъ въ большую свѣтлую комнату. Тамъ, перпендикулярно къ простѣнку между двумя большими окнами, стоялъ большой письменный столъ, за которымъ сидѣлъ немолодой уже человѣкъ съ лысиной и полусѣдыми баками и волосами. Увидѣвъ меня, онъ всталъ.

— Г. секретарь по студенческимъ дѣламъ? — спросилъ я.

— Онъ самый. Константинъ Ивановичъ Божовскій, — отрекомендовался секретарь. Что вамъ угодно?

Я назвалъ себя и спросилъ: гдѣ и когда я могу получить билетъ на посѣщеніе лекцій и узнать расписаніе лекцій.

— А вы уже приняты въ число студентовъ нашего университета? — спросилъ меня Божовскій.

— Думаю, что принять, прошеніе послалъ давно и никакихъ препятствій къ пріему меня не предвижу.

— Сначала узнайте резолюцію ректора на вашемъ прошеніи, а потомъ уже приходите или за билетомъ, или за бумагами.

— А вы не можете сказать эту резолюцію? — рѣшился спросить я.

— Простите — отвѣтилъ Божовскій — помнить не сколько сотъ резолюцій, мнѣ нисколько неинтересныхъ, я не могу и не обязанъ. Для избѣжанія пустыхъ разговоровъ и напрасной траты времени на отдѣльные справки въ дѣлахъ, мы вывѣшиваемъ въ свѣтломъ коридорѣ списокъ принятыхъ студентовъ и списокъ лицъ, которымъ отказано въ зачисленіи ихъ въ число студентовъ. Списки эти ежедневно пополняются, пока прошенія не перестаютъ поступать. Иногда разрешеніе прошеній задерживается неполученіемъ затребованныхъ нашимъ ректоромъ справокъ.

— Гдѣ же этотъ свѣтлый коридоръ?

— Выйдите изъ моей комнаты, спросите у первого встрѣчнаго студента, или сторожа, — вамъ покажутъ.

Я поклонился и вышел.

Свѣтлый коридоръ оказался недалеко, и разыскивать его мнѣ не пришлось. Это была свѣтлая часть общаго корридора (въ ней были два большихъ окна), нѣсколько расширенная, такъ что имѣла видъ проходной комнаты. Здѣсь я невольно остановился, увидѣвъ много молодыхъ людей, стоявшихъ передъ завѣшеніями стѣнами. Еще издали мнѣ бросилось въ глаза объявление съ крупнымъ заголовкомъ: „Расписаніе лекцій“. Не трудно было сообразить, что я нахожусь у цѣли моихъ поисковъ. Списавъ расписаніе лекцій 2-го курса юридического факультета, я нашелъ тѣ списки, о которыхъ говорилъ мнѣ Божовскій; въ нихъ моей фамиліи не было ни въ числѣ принятыхъ, ни въ числѣ отринутыхъ.

Что это значитъ, хорошо, или худо?—думалъ я, уходя изъ свѣтлого корридора; мельнула, было, мысль зайдти опять къ Божовскому, но перспектива предстать вновь передъ не-привѣтливымъ секретаремъ не улыбалась, и я предпочелъ дождаться вечера, пойти къ Драгоманову, и тамъ получить кое-какія разъясненія.

Когда я сказалъ Михаилу Петровичу, что ректоръ почему-то задерживаетъ решеніе вопроса о принятіи меня въ университетъ, Драгомановъ замѣтилъ:

— Остается вѣренъ себѣ. Не довѣряетъ онъ студентамъ другихъ, особенно столичныхъ, университетовъ, изводить ихъ справками, открытыми, конфиденціальными, пишетъ даже частные письма ректорамъ университетовъ, губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полиціймейстерамъ, знакомымъ профессорамъ, въ III Отдѣленіе, мѣстнымъ жандармскимъ управлѣніямъ,—словомъ, всюду и всѣмъ, откуда и отъ кого только надѣется получить вѣрныя и точныя свѣдѣнія о бывшихъ студентахъ другихъ университетовъ, поступающихъ къ намъ послѣ увольненія. Вотъ и о васъ, навѣрное, полетѣли письма въ Петербургъ со всевозможными вопросами и запросами. И пока не придутъ всѣ отвѣты, вы приняты не будете. Съ этимъ надо помириться, тутъ ничего не подѣлаешь.

— Я не спѣшу — отвѣтилъ я—досадно только, что приходится пропускать лекціи въ началѣ новаго курса; безъ входнаго билета швейцарь не пропускаетъ на лѣстницу, ведущую въ аудиторіи. Мнѣ трудно будетъ потомъ достать текстъ пропущенныхъ лекцій, я не знаю ни одного студента второго курса, аккуратно и вѣрно записывающаго лекціи,

курсы здѣсь не литографируются, ихъ купить нельзя, необходимо самому составить къ экзаменамъ если не полный курсъ, то хотя толковый конспектъ по всѣмъ предметамъ, а это возможно лишь при аккуратномъ посѣщеніи и посильномъ записываніи лекцій. Какъ-разъ къ веснѣ останешься съ пустыми руками.

— Въ этомъ горѣ я могу вамъ помочь,—прерваль меня сидѣвшій тутъ Н. И. Зиберъ. Я живу какъ-разъ надъ вашими аудиторіями, и лѣстница, ведущая въ аудиторіи, ведеть и въ мою квартиру. Будете говорить швейцару, что идете ко мнѣ, и безпрепятственно проходить въ аудиторіи. Я сегодня же предупрежу швейцара, а вы завтра суньте ему, на всякий случай, двугривенный. Дѣло и будетъ въ шляпѣ.

Я поблагодарилъ добрѣйшаго Н. И. за участіе и содѣствіе и на другой же день былъ на лекціяхъ профессоровъ Рененкамфа, Митюкова, Романовича-Славутинскаго. Цѣлый мѣсяцъ продолжалось это тайное посѣщеніе лекцій; я ежедневно заходилъ въ свѣтлый коридоръ, списки принятыхъ и отринутыхъ студентовъ постепенно пополнялись, но моя фамилія упорно не появлялась ни въ томъ, ни въ другомъ спискѣ. Наконецъ, 15 октября я увидѣлъ себя въ числѣ непринятыхъ, которые приглашались получить свои документы обратно.

Изумленный и встревоженный, я бросился къ Драгоманову.

— Погодите отчаяваться, сказалъ онъ, я повидаюсь съ вашимъ деканомъ, профессоромъ Демченко, а вы добейтесь свиданія съ Матвѣевымъ (ректоромъ). Можетъ, и удастся сообразить—кто вамъ въ Петербургѣ свинью подложилъ.

— Подумайте, — прерваль я Михаила Петровича, — вѣдь сегодня 15-е октября; теперь и въ Петербургскій университетъ обратно не попадешь; съ завтрашняго дня тамъ пріемъ будетъ закрытъ. Не лучше ли жаловаться министру? Вѣдь никакихъ же законныхъ основаній къ пріему меня Матвѣевъ не имѣть. Грубый, возмутительный произволъ, дерзкое нарушеніе—не говорю моихъ личныхъ, несомнѣнныхъ правъ—университетскаго устава. Если министръ не поможетъ мнѣ, не прикажетъ вашему ректору принять меня, буду жаловаться въ Сенатъ.

— Не горячитесь, — остановилъ меня М. П., — узнайте прежде, чѣмъ напугали вы нашего отца-ректора (онъ вѣдь у насъ изъ святого сословія), а потомъ ужъ изобрѣтайте ему

должное возмѣздіе. Пошлите лучше телеграмму вашему отцу, просите его обезпечить вамъ принятіе васъ обратно въ Петербургскій университетъ, на случай, если нашъ акушеръ заурситъ, и намъ не удастся ввести его въ оглобли.

— А гдѣ и когда я найду вашего ректора? Говорять, онъ никогда и не бываетъ въ университетѣ, даже приемныхъ часовъ у него не назначено. Гдѣ же мнѣ ловить его?

— Онъ принимаетъ всегда, когда бываетъ дома. Лучше всего застать его можно передъ обѣдомъ. Обѣдеть онъ всегда дома, въ 4—5 часовъ; вотъ и поѣзжайте къ нему завтра, къ 4 часамъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Еще не было четырехъ часовъ, когда я позвонилъ у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго, съ мезониномъ, деревяннаго особняка, принадлежащаго ректору-акушеру. Въ отвѣтъ на мой звонокъ, послышался оглушительный лай нѣсколькихъ собакъ, не прекращавшійся, пока старый лакей не отперъ двери.

— Дома профессоръ? — спросилъ я.

— Ожидаемъ кушать, потрудитесь подождать, — отвѣтилъ мнѣ лакей.

Пять, шесть собакъ старательно обнюхивали меня, когда я входилъ въ переднюю. Повѣшивъ мое пальто, лакей, окруженный собаками, провѣль меня въ столовую ректора, гдѣ стоялъ накрытый для обѣда столъ; противъ стола, у стѣны, помѣщался небольшой гнутаго бука диванчикъ, среди нѣсколькихъ вѣнскихъ стульевъ, размѣщенныхъ вокругъ довольно большогоovalнаго стола, на которомъ лежали газеты. Едва я успѣлъ присѣсть, раздался властный, хозяйствскій звонокъ.

— Вотъ и профессоръ прѣхали, — обрадовался лакей и подъ внушительный лай собакъ бросился отпирать дверь.

— Есть кто-нибудь? — послышался изъ передней голосъ профессора.

— Студентъ, должно, одинъ ждетъ въ столовой, — отвѣтилъ лакей и отворилъ дверь.

Въ столовую вошелъ нестарый еще человѣкъ, средняго роста, съ лысиной и сѣдиной на головѣ, усахъ и бородѣ.

Я всталъ и поклонился.

— Студентъ? — обратился ко мнѣ вошедшій.

— Пока еще нѣть, — отвѣтилъ я.

— Ваша фамилія?

Я назвалъ себя.

— Помню, помню. Вы бывшій студентъ Петербургскаго университета?

— Да, по состоянію моего здоровья, желаю продолжать образованіе въ Кіевскомъ университетѣ, но меня почему-то приглашаютъ получить мои бумаги обратно, хотя никакихъ законныхъ причинъ отказывать мнѣ въ приемѣ нѣть.

— Вы думаете такъ, а я иначе. Намъ петербургскихъ студентовъ не нужно, особенно тотчасъ послѣ бывшихъ тамъ беспорядковъ. Кто васъ знаетъ — съ какими тайными цѣлями вы, прикрываясь плохимъ здоровьемъ, стремитесь проникнуть въ нашъ, слава Богу, покойный университетъ. Я не могу и не хочу рисковать собственными руками открыть двери университета, можетъ быть, эмиссару смуты.

— Но вѣдь я не исключенъ изъ Петербургскаго университета, вышелъ оттуда по собственному желанію, и моя политическая благонадежность удостовѣрена, — рѣшился я возвратить супровому ректору.

Не слушая меня, профессоръ Матвѣевъ продолжалъ:

— Я — старый воробей, меня на эту удочку не поймаете. Я вообще не люблю перебѣжчиковъ изъ одного университета въ другой; они всегда возбуждаютъ мое недовѣріе, особенно когда, безъ всякой видимой причины, студентъ столичнаго университета перебирается въ провинцію. Невольно подозрѣваешь въ немъ заднюю мысль, затаенную цѣль и остереагаешься, по пословицѣ: береженаго и Богъ бережетъ. Такъ-то-съ, молодой человѣкъ; возвращайтесь-ка лучше въ Петербургъ, тамъ васъ знаютъ и, конечно, примутъ опять; кончайте спокойно курсъ тамъ, гдѣ начали, а нась не смущайте; у нась и своихъ студентовъ довольно.

— Но, если я могу быть студентомъ Спб. университета, — возразилъ я, — то, на основаніи § 1 общаго всѣмъ россійскимъ университетамъ устава, имѣю право перейти въ любой другой русскій университетъ. Почему же вы отказываете мнѣ въ правѣ, предоставленномъ всѣмъ студентамъ закономъ?

— Такъ я и знаю, — воскликнулъ ректоръ, — еще не засчиленъ въ студенты, а ужъ толкуетъ ректору университетскій уставъ, бросаетъ ректору въ лицо обвиненіе въ нарушеніи закона. Хорошее начало, многообѣщающее. Нѣть, повторю еще разъ: намъ петербургскихъ студентовъ-законниковъ не нужно, Богъ съ ними. Простите, мнѣ пора обѣдать, — сказалъ профессоръ Матвѣевъ, давая понять, что бесѣда кончена.

Я вышел и поспѣшилъ къ Драгоманову, гдѣ меня ждали обѣдать; днемъ М. П. намѣревался повидаться и переговорить о моемъ дѣлѣ съ деканомъ юридического факультета, профессоромъ Демченко.

Здѣсь меня ожидалъ новый сюрпризъ: декану удалось узнать, что и. д. ректора Спб. университета, профессоръ Горловъ, конфиденциально сообщилъ Матвѣеву, на запросъ послѣдняго, обращенный къ К. Ф. Кесслеру, что я принималъ дѣятельное участіе въ заключительномъ фазисѣ весеннихъ безпорядковъ, былъ преданъ суду правленія, по постановленію котораго мнѣ быть объявленъ строгій выговоръ.

— Это не правда! вскричалъ я,—никакого выговора мнѣ объявлено не было, я обязуюсь доказать это документально. Горловъ забылъ, да его, кажется, и не было въ засѣданіи правленія, когда меня, дѣлали видъ, что судили. Кесслеръ, какъ человѣкъ честный и правдивый, не затруднится опровергнуть лживое сообщеніе Горлова. Я сегодня же напишу Кесслеру, и не пройдетъ недѣли, Матвѣевъ получитъ другой, правдивый отвѣтъ на свой запросъ, и мнимое препятствіе само собой устранится.

— Не волнуйтесь, не горячитесь, Богъ не выдастъ, свинья не сѣсть,—остановилъ меня М. П.—писать Кесслеру, можетъ быть, и не придется: Демченко, вѣря мнѣ, согласился поручиться ректору за вашу благонадежность. Я, конечно, явлюсь его сопоручителемъ,—авось, и уломаемъ нашего акушера. И ждать недолго: завтра у насъ очередное засѣданіе Совѣта—вотъ мы и нападемъ на Матвѣева; можетъ быть, еще кто-нибудь изъ профессоровъ поддержитъ насъ,—глядишь, стариkъ и сдастся, а теперь пойдемъ обѣдать. Людмила Михайловна (жена М. П. Драгоманова), поди, заждалась насъ.

Слѣдующее утро я, по обыкновенію, провелъ на лекціяхъ, въ 4 часа пообѣдалъ въ моемъ ресторанчикѣ, пересмотрѣлъ тамъ всѣ русскіе и иностранные иллюстрированные журналы и... задумался. Засѣданія Совѣта начинались обыкновенно послѣ ректорскаго обѣда и длились 2—3 часа, значитъ, раньше восьмого часа идти къ Драгоманову было бесполезно. Я пошелъ домой. Тамъ, оказалось, ждала меня депеша отъ отца, который совѣтовалъ мнѣ, не теряя времени, спѣшить въ Петербургъ, гдѣ безпрепятственное поступленіе въ университетъ, на первый, конечно, курсъ, было мнѣ „обеспечено“.

— Опять на первый курсъ; не удалось, стало быть, спасти года,—горевалъ я. Въ грустныхъ размышленіяхъ на эту тему

прошло время до восьмого часа, когда надо было итти къ Драгоманову.

Михаиль Петровичъ встрѣтилъ меня словами:

— Не выгорѣло, голубчикъ, всячески старались: и Демченко, и я, и еще 2—3 профессора, подбитыхъ нами, ручались за вѣсть, но ничего не помогло: Матвѣевъ уперся, какъ оселъ, затвердилъ одно: „Я обязанъ ограждать университетъ отъ вредныхъ вліяній, а не впускать въ него завѣдомо дурно настроенныхъ юношей, да еще и заклейменныхъ“. Когда мы предложили свое ручательство, онъ намъ отвѣтилъ, что такія ручательства ни уставомъ, ни правилами не предусмотрѣны иничѣмъ гарантированы быть не могутъ. Однимъ словомъ, полная и непоправимая уже неудача. Надо вамъ возвращаться въ Спб. университетъ, ничего больше не выдумаешь. Получили вы отвѣтъ отъ отца?

Я молча протянулъ Драгоманову полученную мною телеграмму.

— Вотъ и отлично—сказалъ онъ—поѣзжайте скорѣе и не поминайте насъ лихомъ.

Да, надо было разставаться съ Киевомъ, гдѣ такъ хорошо было, наладились у меня занятія. Я съ удовольствіемъ и большимъ интересомъ слушалъ великолѣпныя лекціи профессора К. А. Митюкова до догмъ римскаго права, набилъ руку записывать ихъ почти дословно и собирался издать къ экзаменамъ подробный конспектъ курса почтеннаго профессора. Другіе профессора: Рененкампфъ (исторія философіи права), Романовичъ-Славутинскій (русское государственное право), и другіе также читали очень интересно, хотя, конечно, уступали Рѣдкину и Градовскому. Въ то время, въ число обязательныхъ предметовъ для студентовъ юридического факультета въ Киевскомъ университѣтѣ входила и всеобщая исторія. Читать ее приѣхалъ новый профессоръ—В. А. Бильбасовъ. Онъ не былъ избранъ совѣтомъ университета, а назначенъ министерствомъ. Поэтому былъ встрѣченъ недружелюбно и профессорами, и студентами. И тѣ, и другіе видѣли въ Бильбасовѣ ставленника министерства, т. е. реакціонера, презрѣвшаго забаллотированіе его университетской коллегіей. Но выдающаяся эрудиція и лекторское дарованіе быстро побѣдили предубѣжденія противъ нового профессора, и аудиторія Бильбасова стала наполняться слушателями. Читаль онъ два курса: всеобщую исторію для юристовъ и русскую—для филологовъ. Я началъ слушать свой курсъ, успѣль прослушать за полтора мѣсяца не болѣе 10—

15 лекций и сохраняю о В. А. Бильбасовѣ, какъ о профессорѣ, самую свѣтлую память. Когда, впослѣдствіи, Бильбасовъ покинулъ университетскую каѳедру и отдался всецѣло редактированію газеты „Голосъ“, не я одинъ сожалѣлъ, что изъ среды нашихъ университетскихъ преподавателей выбыла такая крупная ученая сила. Послѣднимъ крупнымъ трудомъ покойнаго нынѣ Бильбасова была „Исторія императрицы Екатерины II“, которая долго не могла свободно обращаться въ Россіи. Изъ предполагаемаго реакціонера Бильбасовъ въ нѣсколько лѣтъ превратился въ явнаго конституціониста и запрещеннаго ученаго писателя. Въ концѣ концовъ, и его „Голосъ“, основанный Краевскимъ съ субсидіей отъ министерства народнаго просвѣщенія (во времена министра Головина), прекратился, прѣслѣдѣмый наступившей въ восьмидесятыхъ годахъ прошлого столѣтія необузданной реакціей. Такъ закончилась ученая и публицистическая карьера В. А. Бильбасова.

С.-Петербургскій университетъ.

(1869—1872).

Возвратившись въ Петербургъ, я, конечно, не замедлилъ отправиться въ университетъ, прежде всего къ секретарю по студенческимъ дѣламъ.

— Опять прїѣхали къ намъ?—спросилъ меня Н. Н. Погорѣловъ.

— Да, по неволѣ,—отвѣтилъ я. Что вы тамъ налагали на меня ректору Кіевскаго университета? Когда былъ мнѣ объявленъ строгій выговоръ здѣшняго правленія? Покажите мнѣ постановленіе правленія обѣ этомъ выговорѣ.

— Вы знаете, что такого постановленія нѣть,—спокойно отвѣчалъ мнѣ Погорѣловъ. Я докладывалъ Горлову, исполнившему должность ректора, что о васъ никакого постановленія правленія нѣть, что вы вышли изъ нашего университета по собственному желанію, что вы были, правда, призваны къ суду правленія, по указанію инспекціи, но были, затѣмъ, отпущены съ миромъ и ваша фамилія не попала въ число осужденныхъ правленіемъ, но все это показалось Горлову непонятнымъ, и онъ рѣшилъ, что вы просто случайно пропущены въ постановленіи правленія. „Не могу же я—сказалъ Горловъ—скрыть отъ кіевскаго ректора, что онъ замѣченъ въ участіи въ безпорядкахъ, былъ привлеченъ къ суду правленія и не оправданъ?“ Послѣ долгаго спора со мной Горловъ рѣшилъ написать то, что вы знаете.

— А Карлъ Федоровичъ (Кесслеръ) знаетъ эту темную исторію?—спросилъ я.

— Да, я ему ее разсказывалъ, при вашемъ отцѣ, и тутъ же было рѣшено удовлетворить васъ тѣмъ, что мы примемъ васъ послѣ окончанія срока общаго приема. Довольны?

— Еще бы вы меня не приняли. Пусть Горловъ благодаритъ судьбу, что я не жалуюсь министру на сообщеніе ложныхъ свѣдѣній кіевскому ректору, не раздуваю этой неблаговидной исторіи.

— Пишите лучше прошеніе, чѣмъ угрожать намъ,—прерваль меня Погорѣловъ.

— Прошеніе я принесу завтра,—отвѣтилъ я и вышелъ изъ канцеляріи.

Обдумавъ свое положеніе, я рѣшилъ для разнообразія поступить теперь на административное отдѣленіе юридического факультета, на которомъ, вмѣсто римскаго права, преподавались: исторія политической экономіи, политическая экономія, статистика и финансы по болѣе обширной программѣ, теорія кредита и всѣ юридическія науки, въ нѣсколько сокращенномъ объемѣ. На первомъ курсѣ опять пришлось слушать Рѣдкина, Михайлова и Градовскаго. „Разнообразіе“ еще не было. Всѣ профессора читали пока общіе для обоихъ разрядовъ курсы, повторяя то, что было прочитано ими въ предыдущемъ году и что имѣлось у меня въ формѣ литографированныхъ записокъ. Одинъ маститый старецъ Рѣдкинъ не повторялъ прослушаннаго мною въ прошломъ году курса. Онъ одинъ не относился къ своей задачѣ, какъ къ ремеслу, не переставалъ готовить каждую свою лекцію и читать ее по свѣже-написанной тетрадкѣ. Каждый годъ онъ выбиралъ ту, или другую часть своей обширной науки и посвящалъ ей цѣлый годъ, давая, такимъ образомъ, студентамъ подробное изложеніе лишь того, или другого отдѣла энциклопедіи права и указывая методъ изученія и литературныя пособія для знакомства съ другими отдѣлами. Изложить подробно въ ю энциклопедію юридическихъ и политическихъ наукъ въ одинъ годъ, даже вкратцѣ, невозможно,—говорилъ намъ Рѣдкинъ,—довольно, если мы успѣемъ усвоить себѣ общіе принципы права и общественности, выработанные историческимъ развитіемъ науки и жизни, познакомимся съ главными теченіями философской мысли, выяснимъ методъ обобщенія, узнаемъ послѣдніе выводы, къ которымъ привелъ этотъ методъ въ области права и государствовѣдѣнія. Для этого не потребуется

намъ изучать бесконечный словарь Эрца и Грубера, предоставимъ это заядлымъ специалистамъ. Вообще, Рѣдкинъ не имѣлъ законченного, цѣлостнаго ученія о правѣ: прежде убѣжденный послѣдователь Гегеля, онъ перешелъ затѣмъ на сторону позитивизма, но ему не удалось совершенно отрѣшиться отъ вліянія Гегеля, который всегда оставался его любимымъ философомъ. И лекціи о Гегель и его системѣ занимали не одинъ годъ преподаванія почтеннаго профессора, и слушатели его никогда не забудутъ, какъ рельефно, любовно излагалъ П. Г. всѣ подробности интереснаго ученія знаменитаго нѣмецкаго философа. На второмъ курсѣ, читая намъ уже исторію философіи права, Рѣдкинъ весь годъ излагалъ намъ подробности философіи Огюста Конта, послѣдователемъ котораго былъ Рѣдкинъ семидесятыхъ годовъ. Изложивъ въ началѣ курса всѣ главныя философскія системы, предшествовавшія позитивизму, что заняло лишь нѣсколько часовъ лекцій, Рѣдкинъ перешелъ къ Огюсту Конту и излагалъ его систему подробно, обстоятельно, все остальное время, до конца курса.

На экзаменахъ Рѣдкинъ былъ гроза; его экзаменъ всегда назначался первымъ, это былъ Рубиконъ, перейдя который, студентъ уже былъувѣренъ въ успѣхѣ остальныхъ экзаменовъ. Къ Рѣдкину идти на-авось не рѣшался никто, даже самые отчаянные смѣльчаки, зная, что онъ не затрудняется ставить не только двойки, но и единицы, и даже нули на кандидатскихъ испытаніяхъ, аннулируя хорошія отмѣтки всѣхъ другихъ экзаменаторовъ и игнорируя всѣ просьбы и настоянія. Ни деканъ, ни ректоръ не рѣшались никогда замолвить Рѣдкину словечко за провалившагося у него студента, или аспиранта, державшаго прямо на кандидата. Ассистенты сидѣли обыкновенно молча, не принимая никакого участія въ экзаменѣ. На экзаменѣ Рѣдкинъ приходилъ съ своими, толстыми, какъ карты, билетами, самъ усердно тасовалъ ихъ и самъ выбрасывалъ студенту билетъ. Весь экзаменъ онъ сидѣлъ съ сигарой во рту и молча выслушивалъ отвѣтъ студента по билету; едва студентъ начиналъ запинаться, или умолкалъ, Рѣдкинъ спрашивалъ:

— Кончили?

И или отпускаетъ студента, или выбрасываетъ ему другой билетъ, или начинаетъ задавать вопросы. Послѣднее было всегда плохимъ предзнаменованіемъ: задавъ вопросъ, Рѣдкинъ молча наблюдаетъ экзаменуемаго. Если онъ и на отдѣльный

вопросъ отвѣчаетъ неувѣренно, запинается, мычитъ что-то себѣ подъ носъ, Рѣдкинъ прерываетъ его, ставить ему 2, или 1, сказавъ: „Плохо, студентъ долженъ знать яснѣе“. На кандидатскомъ экзаменѣ, при мнѣ, произошла такая мимическая сцена:

Къ сидящему съ сигарой въ зубахъ Рѣдкину подходитъ экзаменующійся прямо на кандидата. Профессоръ выбрасываетъ ему билетъ и спрашиваетъ:

— Можете отвѣчать, или желаете обдумать билетъ?

Аспирантъ предпочитаетъ „обдумать“ и удаляется къ окну, гдѣ стоятъ два кресла для обдумывателей.

Для отвѣта вызывается другой, согласившійся отвѣчать на выброшенный ему билетъ безъ такъ называемой подготовки у окна. Кончаетъ. Рѣдкинъ приглашаетъ обдумывающаго. Тотъ подходитъ, садится (экзаменующійся отвѣчали, сидя противъ профессора, по другую сторону стола) и молчитъ. Рѣдкинъ молча выбрасываетъ ему второй билетъ. Аспирантъ удаляется вновь къ окну и сидѣтъ тамъ, пока отвѣчаетъ очередной товарищъ. Кончаетъ и этотъ, вновь призывается первый и опять молчитъ. Профессоръ, по принятому обычаю, выбрасываетъ ему третій билетъ, онъ еще разъ направляется къ окну и пережидаетъ еще одного товарища. Когда послѣдній кончаетъ, первый молча подходитъ къ столу экзаменатора, кладетъ свой билетъ и уходитъ.

— Нуль,—раздается ему вслѣдъ суровый голосъ оскорблennаго профессора.

Зачѣмъ сидѣть человѣкъ въ послѣдній разъ и пережидать товарища?

Экзаменъ продолжался безъ новыхъ инцидентовъ.

Студентовъ, исправно посѣщавшихъ его лекціи, Рѣдкинъ запоминалъ въ лицо и относился къ нимъ привѣтливо, но требованія его къ нимъ на экзаменахъ не уменьшались; отъ всѣхъ онъ требовалъ обстоятельного, увѣреннаго знанія, и проскочить у него фуксомъ было невозможно. Даже тройки онъ не поставить, бывало, зря, не убѣдившись, что студентъ кое-что дѣйствительно знаетъ, и знаетъ основательно. 4 и 5 получали только студенты, обнаруживавшіе серьезное знаніе всего прочитаннаго профессоромъ курса и умѣніе свободно разбираться въ философскихъ системахъ.

Таковъ былъ П. Г. Рѣдкинъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ профессоровъ, обладавшій умѣніемъ властствовать надъ аудиторіей, призывать ее къ труду, къ уваженію науки, знанія и

университета, какъ совокупности трудовыхъ силъ страны на почвѣ всесторонняго изученія продуктовъ человѣческаго генія. Его имя не умретъ и не перестанетъ занимать почетное мѣсто въ исторіи русской образованности вообще и въ исторіи нашей университетской науки въ частности. Съ благодарностью помнить П. Г. Рѣдкина и многочисленные его ученики двухъ университетскихъ поколѣній, изъ нихъ же первый есмь азъ.

Хорошую память оставилъ по себѣ въ своихъ слушателяхъ и профессоръ государственного права, Александръ Дмитревичъ Градовскій. Какъ ученая величина, онъ, безспорно, много уступалъ Рѣдкину, не обладалъ огромной, исключительной эрудиціей послѣдняго и не пользовался такимъ вліяніемъ, такимъ безграничнымъ авторитетомъ. Но это не мѣщало и его товарищамъ, профессорамъ, и студентамъ относиться къ А. Д. съ глубокимъ уваженіемъ и признавать въ немъ выдающагося преподавателя и молодого образованнаго ученаго, знатока не только русскаго государственного права, но и иностраннаго. Въ числѣ его трудовъ имѣется обширное сочиненіе, посвященное Германской конституції (1876 г.) и, къ сожалѣнію, неоконченный курсъ: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Часть историческая“ (1886 г.).

Я слушалъ Градовскаго три года: два на первомъ курсѣ и одинъ—на второмъ; читаль онъ живо, интересно, и его аудиторія (актовый залъ) всегда была полна слушателей. Читаль онъ по два часа подъ-рядъ, съ небольшимъ перерывомъ, и мы не утомлялись; параллельно государственное право европейскихъ державъ читаль намъ профессоръ международнаго права (до Мартенса) И. И. Ивановскій, блестящій лекторъ, и, несмотря на это, лекціи его посѣщались не такъ охотно, какъ лекціи Градовскаго, не обладавшаго особымъ лекторскимъ искусствомъ. Александръ Дмитревичъ привлекалъ насъ не фразой, а серьезныемъ содержаніемъ своихъ лекцій, гуманностью своихъ взглядовъ, симпатичною оцѣнкою нашихъ государственныхъ установлений въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Мы знали, что онъ дѣятельно сотрудничаетъ въ „Голосѣ“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что онъ тайный конституціонистъ, принципіальный врагъ абсолютизма. Въ бесѣдахъ со студентами, которыхъ онъ очень любилъ, А. Д. не скрывалъ своихъ государственныхъ идеаловъ и высказывалъ прямо, что только одна прямая и честная государственная реформа выведетъ нашу родину на путь развитія,

прогресса и богатства. Говорить это съ каѳедры уважаемый профессоръ, въ началѣ 70-хъ годовъ, конечно, не могъ, но онъ не кадиль абсолютизму, не скрывалъ отъ слушателей, что эта устарѣвшая государственная форма отжила свой вѣкъ во всей образованній Европѣ, и что Россіи не миновать государственныхъ преобразованій, какъ логического послѣдствія нашего исторического роста.

Понятно, что спокойная, убѣжденная рѣчь профессора увлекательно дѣйствовала на аудиторію, и студенты шли толпою на лекціи Градовскаго, забывая его лекторскіе дефекты: небольшое заиканіе, повторенія и т. д.

Я питаю еще и личную признательность къ Александру Дмитревичу: онъ подаль мнѣ мысль не держать полукурсового экзамена, а оставаясь номинально второй годъ на второмъ курсѣ, фактически слушать въ этомъ, второмъ году лекціи третьяго и четвертаго курса, а по окончаніи этого, четвертаго, года пребыванія моего студентомъ Спб. университета пожертвовать переходными экзаменами съ первого на второй курсъ и держать прямо экзаменъ на степень кандидата юридическихъ и политическихъ наукъ (по административному разряду юридического факультета). Такимъ образомъ, я спасаль потерянный мною въ началѣ университетскаго курса годъ. Поданная мнѣ Градовскимъ мысль меня прельстила; затруднительно было только приготовиться къ экзамену у неумолимаго Рѣдкина. Я рѣшилъ прямо спросить грознаго профессора, по какимъ руководствамъ слѣдуетъ мнѣ приготовиться по его предметамъ, чтобы съ успѣхомъ выдержать у него экзаменъ на кандидата.

— Надо знать всю науку,—коротко, но неясно отвѣтилъ мнѣ Рѣдкинъ, прибавивъ:

— Руководствъ краткихъ, но полныхъ на русскомъ языкѣ ни по энциклопедіи, ни по исторіи философіи права нѣть, и я не могу указать вамъ ни одного руководства. Я сорокъ лѣтъ собираюсь издать такое руководство, да все не выберу времени пересмотрѣть для этого мои лекціи.

— Что же мнѣ дѣлать?—Какъ готовиться къ экзамену?—съ ноткой отчаянія въ голосѣ спросилъ я Петра Георгіевича.

— Оставаться студентомъ и не спѣшить фуксомъ заполучить кандидатскій дипломъ,—сухо и твердо отвѣтилъ Рѣдкинъ. И скрылся въ профессорскую.

Я серьезно задумался и готовъ былъ уже отказаться отъ моего плана, т.-е. потерять еще второй годъ и держать не

кандидатскій, а полукурсовой экзаменъ. Но Градовскій, услышавъ мои сомнѣнія, спросилъ:

— И чего вы испугались? Не понимаю. Развѣ вы не знаете, что Рѣдкинъ въ вашемъ намѣреніи увидѣть, прежде всего, нарушеніе установленного порядка, желаніе, какъ онъ выражался, фуксомъ получить кандидатскій дипломъ. Вотъ старики и припугнули васъ „всей наукой“, а экзаменовать онъ будетъ васъ по своей программѣ, вмѣстѣ со студентами первого курса изъ энциклопедіи и второго—изъ исторіи философіи права. Купите у Кравченко литографированные курсы энциклопедіи и исторіи философіи права, прочитанныя Рѣдкинымъ въ истекшемъ году, и проштудируйте ихъ основательно, да просмотрите, пожалуй, если найдете у букинистовъ, старые печатные курсы Неволина и Калмыкова, просмотрите новый учебникъ кievскаго профессора энциклопедіи права Рененкамфа, и я увѣренъ, что вашъ экзаменъ у Рѣдкина сойдетъ вполнѣ благополучно.

Я никогда не былъ трусомъ и охотно послѣдовалъ со всѣмъ и убѣжденіямъ Градовскаго. Когда расписаніе экзаменовъ для студентовъ и постороннихъ лицъ было объявлено, я подалъ ректору разомъ два прошенія: одно—объ увольненіи меня изъ числа студентовъ университета, а другое—о допущеніи меня къ экзамену на степень кандидата по административному разряду юридического факультета.

За послѣдній годъ моего студенчества я не могъ посвящать много времени посвѣщенію лекцій, да и настоятельной необходимости въ этомъ не было: лекціи почти всѣхъ профессоровъ исправно литографировались и прочитывались дома скорѣе и удобнѣе. Обширный для „администраторовъ“ курсъ полицейского права пр. И. Е. Андреевскаго былъ напечатанъ; „Начала политической экономіи“ И. Я. Горлова, напечатанныя десять лѣтъ назадъ, уже успѣли устарѣть и слушать чтеніе этой скучнѣйшей книги ея авторомъ вслухъ, съ каѳедры было явно бесполезно и нудно. Необходимо и пріятно было слушать только пр. Янсона, лекціи котораго по статистикѣ (одинъ изъ главныхъ предметовъ административного отдѣленія) почему-то не литографировались и не находили отраженія ни въ одномъ, существовавшемъ тогда учебникѣ. Янсонъ излагалъ свой предметъ вполнѣ самостоителіально, посвѣщая свои лекціи выясненію задачъ статистики, ея значенія, какъ научнаго приема и метода, при изслѣдованіяхъ историческихъ и современныхъ условій общественной жизни и общечеловѣче-

скаго прогресса. Чрезвычайно живо и интересно читалъ Янсонъ отдѣль „нравственной“ статистики. Къ „своимъ“ студентамъ (т. е. административного отдѣленія) Янсонъ относился не только внимательно, а прямо любовно, снабжалъ ихъ своими тетрадками, по которымъ читалъ лекціи, помогалъ и другими способами лучше разобраться въ его курсѣ: указывалъ сочиненія для чтенія, открывалъ свою обширную библіотеку, никогда не отказывалъ студенту въ бесѣдѣ, ни въ университетѣ, ни на своей квартирѣ. Это былъ профессоръ-учитель, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ слова.

Кромѣ Янсона, я охотно ходилъ на лекціи профессоровъ: С. В. Пахмана (гражданское право) и Н. С. Таганцева (уголовное право), заглядывалъ иногда и на лекціи Э. Р. Вредена (исторія политической экономіи и теорія кредита) и Ф. Ф. Мартенса (международное право). Одинъ разъ былъ и въ аудиторіи В. А. Лебедева (финансовое право), но испыталъ такую томящую скучу, что всякая охота повторить посвѣщеніе лекцій этого на рѣдкость бездарного профессора разъ навсегда у меня пропала. Да и Лебедевъ привыкъ, повидимому, къ пустой аудиторіи. Студентъ, стенографировавшій лекціи Лебедева для издателя литографированныхъ записокъ, рассказывалъ, что онъ не рѣдко одинъ сидѣлъ въ аудиторіи, и Лебедевъ буквально диктовалъ ему лекціи. Случалось, что профессоръ поджидалъ своего обязательного слушателя. Бывало и такъ: профессоръ зайдетъ въ пустую аудиторію и ждетъ своего единственного слушателя, а послѣдній сидѣтъ въсосѣдней аудиторіи, ждетъ Лебедева. И это взаимное ожиданіе продолжается, пока оба ожидающіе случайно въ одно время не выглянутъ въ коридоръ и не сойдутся. На экзаменахъ Лебедевъ былъ не требователенъ, болѣе, чѣмъ снисходителенъ и щедро награждалъ пятерками всѣхъ, мало мальски знавшихъ его записки. Вообще, это былъ профессоръ легкій, и къ нему на экзаменъ шли студенты и постороннія лица смѣло, зная, что срѣзаться у него невозможно.

Таковы были наши профессора. Каковы же были студенты? Отвѣтить на этотъ вопросъ гораздо труднѣе. Никакихъ студенческихъ организаций въ наше время не существовало. Студенты составляли случайную, безсвязную толпу, чуждую какихъ-либо определенныхъ общихъ интересовъ и идеаловъ. Ни сплоченныхъ чѣмъ-либо, кроме личного знакомства, завязанного еще до поступленія въ университетъ, кружковъ, ни научного общенія и интереса студенчество на-

чала семидесятыхъ годовъ не проявляло; жизнь университетской молодежи шла въ раздробь, безтолково, безъ признака какого бы то ни было идейного единенія и общенія. Студенчества, какъ цѣлаго, не существовало, и студенты толклись въ обществѣ, какъ безпризорныя единицы, скитаясь по дешевымъ вечеринкамъ, литературнымъ журъ-фиксамъ, театрамъ, концертамъ и даже грязнымъ танцъ-классамъ. Попытки студентовъ Сергея Шевича, князя Щербатова, Писарева составить кружокъ саморазвитія и самообразованія исключительно изъ студентовъ-юристовъ не увѣнчались успѣхомъ, благодаря слишкомъ большому разнообразію привлеченныхъ элементовъ и полной неопределенноти задачъ кружка. Большій успѣхъ имѣли кружки саморазвитія, составившіе виѣ университетскаго студенчества: таковы были: кружокъ Чайковскаго, кружокъ брата и сестеръ Корниловыхъ, кружокъ П. Н. Ткачева. Но всѣ эти кружки быстро выродились въ кружки съ явно политической, прямо революціонной окраской, и студенчество примыкало къ нимъ туго, неохотно, предвидя всю тяжесть послѣдствій. Реакція, вызванная безмысленнымъ выстрѣломъ Каракозова, не прекращалась, аресты и ссылка процвѣтали, вырывая чуть не ежедневно новыя и новыя жертвы изъ разнообразныхъ слоеvъ образованного общества: Писаревъ и Ткачевъ были въ крѣпости, П. Л. Лавровъ—въ ссылкѣ, прогрессивная печать душилась предостереженіями и еле дышала, надвигался процессъ „нечаевцевъ“, въ Европѣ гремѣла франко-пруссская война, нѣмецкія побѣды несли торжество прусского юнкерства, реакцію всеевропейскую. Невольно брала жуть, мысль отступала отъ ужасовъ дѣйствительности, своей и чужой. И не студентовъ брала оторопь, мутила голову и сердце, побуждала уходить въ свою маленькую скорлупу, киснуть въ собственномъ соку. Общее настроеніе не могло не отражаться и на настроеніи университетскаго студенчества. Оно притаилось и ждало лучшаго времени.

Среди фактовъ общаго интереса, которыми ознаменовалось время моего студенчества, отмѣчу: процессъ „нечаевцевъ“, первый публичный политический процессъ въ новомъ русскомъ судѣ; сказанная на этомъ судѣ рѣчь подсудимой Дементьевой произвела огромное впечатлѣніе и на судъ, и на общество, какъ явленіе новое, необычное въ русской жизни. Рѣчь была отлитографирована, потомъ подпольно отпечатана и долго распространялась по Петербургу и разсыпалась въ другіе крупные города, какъ образецъ нового судебнаго краснорѣчія.

Судившійся, вмѣстѣ съ Дементьевой, Ткачевъ, авторъ воззванія „Къ обществу“, напечатаннаго Дементьевой, былъ приговоренъ къ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьева—къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. По окончаніи сроковъ заключенія, Ткачевъ и Дементьева были высланы изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и бѣжали изъ ссылки за границу.

На настроеніи университетской молодежи процессъ „нечаевцевъ“, повторяю, не отразился: жестокое убіеніе студента Иванова глубоко возмущало всѣхъ; студенты помнили еще Нечаева и его рѣчи на сходкахъ, не возбуждавшія сочувствія. Ткачеву и Дементьеву, разумѣется, симпатизировали, рѣчь послѣдней читалась и распространялась усердно, но никакихъ „выступленій“ въ университетѣ не происходило, все ограничивалось тихими разговорами въ студенческой шинельной и въ буфетѣ. Университетъ оставался спокойнымъ.

Предсказаніе А. Д. Градовскаго оправдалось вполнѣ: для испытанія нѣсколькихъ человѣкъ, заявившихъ желаніе экзаменоваться прямо на кандидата, не было назначено ни особыхъ времени, ни особыхъ испытательныхъ комиссій. Намъ было предложено держать экзамены совмѣстно со студентами I, II и IV курсовъ, по общей программѣ.

Это значительно облегчало профессоровъ и представляло свои удобства и для экзаменующихся, устранивъ неопределенноть и случайность требованій экзаменаторовъ.

Въ первый день пришлось намъ экзаменоваться у пр. Янсона (статистика) и у свящ. Горчакова (церковное право), совмѣстно со студентами II-го курса. По статистикѣ, какъ я сказаль уже выше, записки не литографировались, и моимъ товарищамъ, не слушавшимъ лекцій Янсона, приходилось плохо: программа была, разумѣется, составлена по курсу, прочитанному Янсономъ студентамъ, и профессоръ, строго держась этой программы, требовалъ знаній, которыхъ нельзя было извлечь ни въ какомъ доступномъ студентамъ учебникѣ. Одинъ мой товарищъ, добросовѣстно проштудировавшій Кольба, Моро-де-Жанеса и еще кого-то, не смогъ отвѣтить ни слова по вынутому имъ билету и принужденъ былъ прекратить экзамены. Другой мой товарищъ, за недѣлю до экзамена, явился на квартиру къ Янсону и просилъ профессора дать ему для повторенія его тетрадки, по которымъ Янсонъ читалъ лекціи. Профессоръ направилъ храбраго просителя ко мнѣ, зная, что у меня имѣется полный курсъ его лекцій, свѣренный

сь его тетрадками. За недѣлю до экзамена я, понятно, не рѣшился отдать мои записки, и мой товарищъ согласился пользоваться ими ночью, когда я спалъ. И только, благодаря этому ночному чтенію, онъ выдержалъ экзаменъ у Янсона, который запомнилъ его фамилію и физіономію и, ставя ему 4, сказалъ: „Благодарите Корша; онъ спасъ васъ отъ неизбѣжнаго провала“.

У меня всѣ экзамены проходили вполнѣ удачно. Одно богословіе смущало меня: Полисадовъ уже оставилъ университетъ, курсъ его, имѣвшійся въ литографированномъ видѣ, былъ угнетающе великъ. Курсъ преемника Полисадова, профессора философіи, свящ. Сидонскаго, почему-то не литографировался, и его въ продажѣ не было. Положеніе было, что называется, хуже губернаторскаго. До экзамена оставалось два дня, а богословскія знанія были буквально равны нулю, даже и программы у меня не было своевремѣнно припасено. Настроеніе было далеко не бодрое, всѣ экзамены кончены благополучно, и, вдругъ, не получить кандидатскаго диплома изъ-за богословія, къ которому при Полисадовѣ никто никогда и не готовился. Раздумывая такъ и эдакъ, я отправился искать по книжнымъ магазинамъ „кратчайшаго“ курса богословія. Вездѣ мнѣ показывали обширные, тяжелые томы Макарія и другихъ нашихъ ученыхъ богослововъ, но одолѣть въ два дня эту массу духовной премудрости не было физической возможности. Переходя изъ магазина въ магазинъ, я нашелъ, наконецъ, у Глазунова тоненьку книжку подъ заглавiemъ: „Лекціи по умозрительному богословію“, профессора Московской духовной академіи Ф. Голубинскаго. Книжка понравилась мнѣ по своему небольшому объему, я тотчасъ же купилъ ее и пошелъ домой читать. Все же—думалось мнѣ—лучше знать Голубинскаго, чѣмъ не знать буквально ничего.

Какъ оказалось, книжка пр. Голубинскаго заключала въ себѣ лишь только ученіе о Богѣ. Я внимательно прочелъ ее всю и успокоился; у меня въ запасѣ была еще книжка Баженова „О религії“, по которой студентовъ экзаменовалъ Полисадовъ.

Насталь день экзамена. Въ отличіе отъ другихъ профессоровъ, Сидонскій назначилъ намъ свой экзаменъ, отдѣльно отъ студентовъ. Ровно въ 10 часовъ пришелъ онъ въ назначенную для испытанія аудиторію, гдѣ сидѣли уже всѣ аспиранты.

Войдя, Сидонскій сѣлъ за профессорскій столикъ и разложилъ на немъ какія-то тетрадки.

— Пожалуйте, господа; кому угодно?—сказалъ онъ, обратившись къ намъ.

Вышелъ первымъ некто Соколовъ, бывшій воспитанникъ духовной семинаріи.

— По какому руководству готовились?—спросилъ Сидонскій.

— По Рождественскому,—отвѣтилъ Соколовъ.

Сидонскій порылся въ принесенныхъ тетрадкахъ, вынулъ одну и предложилъ Соколову взять билетъ. Тетрадки оказались заготовленными профессоромъ программами по всѣмъ, наиболѣе извѣстнымъ курсамъ богословія.

Соколовъ, какъ семинаристъ, отвѣчалъ, конечно, отлично, быстро получилъ 5 и удалился.

— Кто желаетъ? Пожалуйте,—приглашалъ профессоръ.

Долго никто не рѣшался выйти послѣ Соколова.

— Я уйду, господа, если нѣтъ желающихъ экзаменоваться,—пригрозилъ Сидонскій.

Сообразивъ, что сколько бы я ни сидѣлъ, ничего новаго не высыжу, я приблизился къ профессору.

— По какому руководству готовились?—повторилъ свой вопросъ от. Сидонскій.

— По Голубинскому, отвѣтилъ я.

— Больше ничего не читали?

— Читаль еще сочиненіе прот. Баженова: „О религії“.

— Ну, это не богословіе. Вѣроятно, и „Записки охотника“ г-на Тургенева тоже читали?—съ улыбкою спросилъ Сидонскій.

— Конечно, читаль,— отвѣтилъ я, недоумѣвая, къ чему клонится вопросъ экзаменатора.

— По богословію больше ничего не читали?

— Нѣтъ, не случилось,—смущенно отвѣтилъ я.

— Одного Голубинскаго? Это и много, и очень мало. И лекцій Полисадова не читали?

— Нѣтъ, не читаль.

— Значить, ничего изъ богословія не знаете. Такъ и замѣтимъ. А катехизисъ Филарета знаете?

— Знать, когда держалъ выпускной экзаменъ въ гимназіи; потомъ, признаюсь, не повторялъ.

— Посмотримъ, какова у васъ память. Скажите, что есть вѣра?

Не довѣряя своей памяти, я не рѣшился отвѣтить на предложенный вопросъ текстомъ, приведеннымъ въ катехизисѣ, и сказалъ:

— Вѣра есть убѣженіе въ существованіи высшаго существа управляющаго міромъ.

— Вотъ, у васъ все одно и то же: и вѣра, и убѣжденіе,— произнѣть профессоръ и задаль мнѣ какой-то другой вопросъ, на который я отвѣтиль, сколько помню, удовлетворительно. Вопросъ быль изъ исторіи церкви.

— Довольно,— сказалъ Сидонскій. О богословіи вы не имѣете и понятія, катехизисъ забыли, исторію церкви еще, повидимому, помните. Всѣ экзамены сдали благополучно?

— Если вы, профессоръ, не задержите, кандидатство мнѣ обеспечено.

— Я мѣшать вамъ не буду; это по-христіански. Богъ съ вами.

И добрый профессоръ записалъ противъ моей фамиліи 3¹.

— Простите мою дерзость, профессоръ; для получения кандидатскаго диплома, кажется, нужно имѣть изъ богословія не менѣе 4.

— Совѣтъ недавно постановилъ, что для юристовъ довольно и 3-хъ,— отвѣтиль Сидонскій.

Я поклонился и отошелъ отъ экзаменационнаго стола.

На другой день предстояла еще одна, послѣдняя фикція экзамена. Отъ экзаменующихся прямо на кандидата требовалась сдача экзамена изъ одного новаго иностраннаго языка, по своему выбору. Я выбралъ наиболѣе мнѣ извѣстный французскій языкъ. Лекторъ этого языка въ университетѣ, извѣстный всей Россіи по своимъ учебникамъ, Давидъ Марго, только что скончался, и преемникъ ему еще не былъ назначенъ. Экзаменъ желающихъ подвергнулся испытанію изъ французскаго языка былъ порученъ лектору итальянскаго языка, синьюру Пинто, съ которымъ мой отецъ занимался года два итальянскимъ языккомъ, и онъ зналъ меня лично. Пинто зналъ, что я порядочно говорю и свободно читаю по-французски, и не затруднился поставить мнѣ 5, спросивъ меня: какъ здоровье отца, и хорошо ли прошли у меня экзамены?

Экзамены были закончены вполнѣ успѣшно. Потерянный, было, годъ, по доброжелательному совѣту А. Д. Градовскаго, быль спасенъ. Оставалось написать и сдать кандидатское сочиненіе, на что полагалось полгода, по окончаніи экзаменовъ. За сопѣтомъ о выборѣ темы для сочиненія я обратился къ тому же Александру Дмитріевичу, и мы рѣшили, что я буду писать о земскихъ учрежденіяхъ. Градовскій любезно указалъ мнѣ всѣ главныя источники, и моя работа была готова и сдана въ срокъ.

Въ январѣ 1873 года я получилъ кандидатскій дипломъ, какъ завершеніе одиннадцати-лѣтней учебы.

Сообщилъ Е. В. Коршъ.

Указъ императрицы Елизаветы Петровны Правительствующему Сенату въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ священника Авнасія Иванова, имѣющаго 144 человѣка потомства.

Генераль-Прокуроръ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкій, по увѣдомленію Оберъ-Прокурора Святѣшаго Правительствующаго Сѵнода Львова, довѣль до Высочайшаго свѣдѣнія Императрицы Елизаветы Петровны, что Новгородской Епархіи Новоторскаго уѣзда въ селѣ Зашегренѣ Священникъ Афонасій Ивановъ имѣеть дѣтей, внучатъ и правнучатъ мужеска и женска пола 144 человѣка. Въ слѣдствіе чего Ея Величество именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, повелѣть соизволила сдѣлать распоряженіе о бережномъ привезеніи того Священника, если онъ только не очень старъ и дряхль, въ С.-Петербургъ для представленія его ко двору. Во исполненіе сей Высочайшей воли Правительствующій Сенатъ отправилъ въ городъ Торжокъ нарочнаго курьера, снабдивъ его, кромѣ указа, особо составленною на сей предметъ инструкціею, въ которой ему между прочимъ предписывается, чтобы онъ, по приѣздѣ на мѣсто, объявилъ Священнику волю Ея Величества „такмо при томъ объявлениіи наистрожайше наблюдалъ, дабы ево чѣмъ либо не испужать, и ежели оной попъ здоровъ и къ отправленію въ С.-Петербургъ явиться въ состояніи, то его отправить въ С.-Петербургъ немедленно и что къ тому его отправленію еще принадлежать будетъ, то есть, для отправленія его сдѣлать или купить дорожныя покойные сани, также, ежели онъ, попъ, либо недостаточень и по нынѣшнему пути въ дорогу для стужи теплаго платья не имѣеть, онымъ ево снабдить и для содержанія ево въ дорогѣ кормовыя деньги дать и то все исправить и прогоны на ямскія подводы, сколько надлежитъ, дать изъ Новоторжской Воеводской Канцеляріи, а курьеру при немъ, попъ, ѣхать въ С.-Петербургъ и вѣсть его весьма бережно и наикрѣпчайше наблюдать,